

Неделя, 1983,
март, № 19

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

В ГОСТЯХ У ГУЛЛИВЕРА

9 апреля 1983 года исполнилось 85 лет со дня рождения Поля Робсона.

Летом 1958 года в Советский Союз приехал выдающийся негритянский певец и видный общественный деятель Поль Робсон.

Написать портрет этого легендарного человека казалось мне всегда несбыточной мечтой. И вдруг неожиданно появился благоприятный момент. Слышу по радио: «Преодолев длительный запрет американского правительства, Поль Робсон вновь в Москве».

Раздумывать не пришлось. Быстро упаковываю складной мольберт, подрамник с холстом, краски и еду попытать счастья в гостиницу «Метрополь», где остановился долгожданный гость.

В вестибюле уже собралось много народа: советские и иностранные журналисты, фоторепортеры, а также друзья и почитатели таланта знаменитого артиста.

Всех приветливо принимала весьма симпатичная дама невысокого роста. Сквозь стекла ее очков в толстой темной оправе светились умные, пытливые глаза. Это была Эсланда, жена Робсона. Она вежливо справлялась через переводчика у каждого посетителя о цели его прихода и что-то записывала в свой блокнот.

Я подошел последним и коротко изложил свою просьбу. Эсланда понимающе улыбнулась и сказала: «Спасибо, обязательно передам Полю».

Вскоре присутствующих пригласили в гостиную. Открылась дверь, и в комнату вошел человек-колосс!

Мне раньше приходилось видеть его только на сцене, а здесь, в комнате, особенно поражали огромный рост и атлетическое сложение.

Он был сосредоточен, сдержан, чувствовала в нем большая внутренняя сила. Внешне — скорей ученый, чем актер.

Робсона сразу взяли в окружение. И было забавно наблюдать, как каждому, кто с ним разговаривал, приходилось высоко задираТЬ голову.

Наступило обеденное время. Хозяева с оставшимися гостями перешли в столовую. Получив любезное разрешение Эсланды, я установил мольберт в гостиной и попросил широко открыть двери столовой, чтобы отчетливее видеть лицо Робсона.

Однако работать, наблюдая его из другой комнаты, хотя и хорошо освещенной, было очень трудно. Он, видимо, это заметил, потому что встал из-за стола и, держа в руках солидную чашечку с бульоном, вошел в гостиную, сел в кресло и сказал по-русски своим могучим раскатистым басом: «Так будет лучше!»

Работа пошла легко и свободно.

Когда портрет был закончен, Робсон сам выбрал кисть, четко расписался в правом углу холста и, протянув на прощание

огромную руку, улыбнулся своей неповторимой белозубой улыбкой.

Вениамин МОШКОВИЧ.

